

ДИАНА
МАШКОВА

ГЕОРГИЙ
ГЫНЖУ

**МЕНЯ
ЗОВУТ
ГОША**

История сироты, который обрел семью

 **БОМБОРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

АЗБУКА
СЕМЬИ

ДИАНА
МАШКОВА

ГЕОРГИЙ
ГЫНЖУ

**МЕНЯ
ЗОВУТ
ГОША**

История сироты, который обрел семью

 **БОМБОРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

УДК 159.922.1
ББК 88.53
М51

Художественное оформление серии
Сергея Власова

В оформлении обложки используются фотоработы
Елены Мартынюк

Машкова, Диана.

М51 Меня зовут Гоша. История сироты, который обрел семью / Диана Машкова, Георгий Гынжу. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Азбука семьи).

ISBN 978-5-04-205066-4

Они раскачивают кровати, в которых спят. Они качаются даже тогда, когда отвечают перед школьной доской. Они собираются в стаи и шельмуют тех, кто не такой, как они. Они воруют. Они курят и пьют. Они рано начинают половую жизнь. Они огрызаются и грубят. Именно это вы знаете о сиротах из детских домов. Именно это знание, сопровождаемое непониманием и страхом, становится препятствием в усыновлении. А теперь приготовьтесь: перед вами исповедь сироты Георгия Гынжу, в подлинности которой никто не усомнится. Реальная история жизни в детском доме, рассказанная мальчиком, проливает свет на все, что вас пугает и отталкивает. История, способная изменить к лучшему вашу жизнь и жизнь тысячи детей, оказавшихся без родительской любви.

УДК 159.922.1
ББК 88.53

ISBN 978-5-04-205066-4

© Машкова Д., Гынжу Г., 2018
© Мартынюк Е., иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга «Меня зовут Гоша. История сироты, который обрел семью» стала спасательным кругом, за который мы с Гошей смогли ухватиться. Когда мы только познакомились — Гоша свалился мне как снег на голову, — я увидела перед собой открытого, доброго парня. Помню, даже удивилась: «Что такой замечательный мальчик делает в детском доме? Почему до сих пор не в семье?» Хотя, к сожалению, это был не первый случай, когда приходилось задавать себе подобный вопрос. Гоша понравился мне с первого взгляда, ему не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы вызвать симпатию. Но проблема была в другом: я понятия не имела, чем могу помочь практически взрослому парню. Учитывая, что Гоша не только стал сиротой, потеряв при рождении семью, но и успел как следует запутаться в собственной жизни, нужны были мощные стимулы для того, чтобы он сам захотел изменить свою судьбу. Никто не смог бы сделать этого, кроме него самого. На мой взгляд, самая большая иллюзия заключается в уверенности, что один человек способен изменить жизнь другого человека. Я думаю, так это не работает ни со взрослыми, ни с детьми. Можно только пробудить в другом человеке новые интересы и желание что-то в своей жизни менять.

Тогда я еще не знала, что именно может стать стимулом для Гоши. Я постоянно думала об этом после нашей встречи. Мне было приятно, что Гоша сам потянулся к общению. Он прилагал усилия, выходил на связь — это был

хороший знак готовности вкладываться в отношения. Нередко в детских домах приходится видеть совсем другую картину: дети полны отчаяния, закрыты, лишены сил и желания идти на контакт; смирившись со своей ненужностью, они постепенно теряют волю к жизни. Гоша был не таким, и это вселяло большие надежды. После первой же встречи у меня не осталось сомнений в том, что наше общение продлится не один месяц и даже не один год. Но страхов и неуверенности в своих силах хватало, а главный принцип «не навреди» не позволял делать резких шагов. Для себя я решила, что готова начать с наставничества. Сработал еще один жизненный принцип: «Делай что должно, и будь что будет». Я начала пробовать разные варианты, чтобы заинтересовать Гошу чем-то социально полезным и отвлечь от привычных в детском доме, но опасных занятий. Пригласила его в фонд, в котором тогда работала, в качестве волонтера, дала возможность заглянуть в обычную жизнь обычной семьи, постаралась увлечь разговорами о жизни, помогла подработать. Одним словом, просто делала то, что понятно мне, и делилась всем, что могу сама. В той же логике пришла и идея с книгой — Гоша оказался творческим парнем. Уже на второй встрече я предложила ему написать историю своей жизни и пообещала помочь с редактурой. Мне тогда показалось, что это занятие может отвлечь его от страшных пристрастий, в которые он полностью погрузился. Хотя в том, что подросток из детского дома воровал, увлекался алкоголем и забросил школу, не было его вины — это был вполне естественный «ответ» на неестественные условия жизни.

К счастью, Гоша заинтересовался идеей книги. Я тогда просто прыгала от радости — честно! — потому что у нас с ним благодаря сотворчеству появлялось общее пространство, в котором он мог воспринимать меня как наставника, мог обращаться за помощью и поддержкой. Кроме того, мне было по-настоящему ин-

тересно — каждая история, которую рассказывал Гоша, помогала лучше понять и его самого, и устройство системы детских домов. Позволяла ощутить то, что чувствует ребенок, живя в учреждении, и пройти следом за ним по бесценной дороге жизни. Я благодарна Гоше за то, что он открыл мне двери в незнакомый мир, за то, что с самого начала был честным. Ведь если не понимаешь, не улавливаешь сути, которая спрятана в глубине, то и не можешь помочь. С первых строк у меня появилось чувство, что работа над воспоминаниями служит и самому Гоше добрую службу: он пытался многое переосмыслить, старался распутать клубок собственной жизни. Я принимала любую информацию, впитывала ее как губка и хотела стать для Гоши проводником к самому себе и во взрослую жизнь. Совместное творчество служило в этом деле прекрасным подспорьем. Поначалу было совершенно неважно, выйдет когда-нибудь история Гоши из печати или нет: главное, что у парня появилось новое занятие, которое требовало рефлексии и отчасти играло роль терапии. По себе знаю, как «лечит» возможность писать — прорабатывать душевные травмы, жизненные неудачи, рассматривать под лупой собственный опыт. Конечно, у меня не было идеи пустить процесс на самотек — Гоша работал с психологом в благотворительном фонде, у него была поддержка не только в моем лице, но и в среде профессионалов.

Летом 2015 года Гоша написал первые строчки в своем блокноте. Он присылал мне фрагменты по электронной почте и в сообщениях по телефону — иногда крошечные, всего по несколько предложений, иногда довольно большие, почти истории. Я аккуратно исправляла орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки и возвращала текст автору. Параллельно сохраняла каждую строчку в папке на своем компьютере. Создавалась своеобразная книга жизни Гоши. За неполных три года он на-

писал пятнадцать страниц. Для профессионального писателя — неудача, а для Гоши — огромный прорыв. Все это время он думал, вспоминал, рассказывал. Мы многое обсуждали и постоянно говорили о событиях его прошлого и о чувствах, которые он испытывал. Гоша мечтал закончить книгу, но не хватало навыков и усидчивости. К тому же вокруг него уже забурлила новая жизнь — учеба, знакомства, друзья. Весной 2018 года мы с ним решили, что теперь продолжим в новом ключе: Гоша будет рассказывать, а я записывать. Стало ясно, что книга постепенно выходит за рамки первоначальной задачи — отвлечь Гошу, переключить его внимание на новую жизнь. Это, к счастью, уже произошло. Теперь стало видно, что в тексте, словно в зеркале, отражается судьба ребенка, потерявшего семью. Рождается откровенный монолог без цензуры, без вмешательства взрослых и тех, кто точно знает «как лучше». Я изначально поставила перед собой цель не появляться в тексте, стать невидимкой, а только бережно перекладывать на бумагу все, что слышу от Гоши. Сохранять его голос и его самого. Не скажу, что работа была простой — нередко Гоша не находил слов, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но мы никуда не торопились. Возвращались к одним и тем же ситуациям снова и снова. Искали названия эмоциям, переживаниям, событиям. Такой подход еще больше сблизил нас: Гоша открывался с каждой новой историей все больше, ему не нужно было бояться критики или осуждения, он чувствовал, что получил в моем лице надежный ретранслятор. Каждый раз, когда он просматривал новую главу, только-только законченную мной, его лицо сияло от счастья: он видел самого себя. А я радовалась тому, что мы движемся в нужном направлении. Так, общими усилиями, мы смогли добраться до последних страниц.

За три года многое изменилось. И все-таки я уверена, что сотворчество сыграло в наших с Гошей отношениях

важную роль, оказалось своего рода ключом. Между нами возникло глубокое доверие, появилось безусловное принятие, произошло качественное развитие каждого из нас. Но это еще далеко не все. Переложена на бумагу реальная история, которая поможет многим взрослым иначе посмотреть на мир детей-сирот. Избавиться от мифов, стереотипов и, возможно, даже ответить себе на вопрос: «Что именно я могу сделать, чтобы помочь?»

Год за годом я и самой себе продолжала отвечать на этот вопрос. И чем глубже погружалась в социальную работу, в реальность детских домов, тем яснее осознавала важную мысль — только путем усыновления и приемного родительства проблемы сиротства в нашей стране не решить. Работать необходимо прежде всего с родной семьей ребенка, который оказался в трудной жизненной ситуации. Сопровождать необходимо в первую очередь родителей тех детей, которые уже проживают в учреждениях для сирот или вот-вот могут туда попасть. У подавляющего большинства детей в детских домах родные мамы и папы живы, но они по разным причинам не справились. Чаще всего за этим стоит семейная трагедия и тяжелая психологическая травма — то, что разрушило жизнь семьи. Как у Гоши.

В 2022 году в России Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка Марией Алексеевной Львовой-Беловой был инициирован пилотный проект «Профилактика социального сиротства среди детей в возрасте до четырех лет». К счастью, нашей некоммерческой организации «Азбука семьи» выпала честь участвовать в этой работе, создавать вместе с коллегами в государственных организациях реабилитационные пространства для родных мам и пап в формате клубов «Устойчивая семья». Практика этой работы доказывает, что большинство детей в семьях, столкнувшихся с кризисом, не нуждаются в разлучении с родной семьей и их помещении в учреждения для сирот. Дети нуждаются в том, чтобы их род-

ным семьям вовремя помогли, оказали комплексную медико-социально-психологическую поддержку. Если сегодня взять в фокус внимания и развивать именно эту работу, многих трагедий в будущем удастся избежать.

В 1999 году, когда родился Гоша, подобной помощи родным семьям, столкнувшимся с тяжелым кризисом, еще не было.

Нам с Гошей было непросто решиться на публикацию. Книга получилась слишком личной и при этом документальной. Конечно, мы понимаем, что найдутся люди — прежде всего сотрудники и бывшие воспитанники детских домов, — которые скажут: «Нет, у нас все было не так». Вполне возможно. И это тоже повод делиться тем, что именно довелось испытать: до сих пор по пальцам одной руки можно пересчитать книги, которые рассказывают о жизни ребенка-сироты от первого лица. У нас огромный пробел в историях от имени самих детей. О сиротах рассказывают чиновники, сотрудники детдомов, волонтеры, спонсоры, журналисты, кто угодно, но только не они сами. Мы видим картину глазами взрослых людей. Но рассказ Гоши — это история и голос самого ребенка. В ней много доброго и хорошего, но не меньше страшного и тяжелого. Волей-неволей книга раскрывает многие особенности жизни ребенка в системе. Она — возможность заглянуть в мир сиротства и наконец понять, какое несчастье стоит за мнимым благополучием сытой детдомовской жизни. Насколько важнее всех мыслимых материальных благ любовь и забота семьи.

Какие они, эти дети, пережившие потерю родителей, отверженность и одиночество? Благодаря истории Гоши мы можем вместе пройти этот непростой, но бесценный путь.

*Диана Машкова, к.ф.н., писатель,
основатель АНО «Азбука семьи», мама 5 детей*

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы с Гошей искренне благодарим каждого человека, который встретился нам на пути, — если бы не влияние людей, благотворное или вредное, мы не стали бы сегодня теми, кто мы есть.

От всего сердца благодарю своего мужа Дениса Салтеева за абсолютную поддержку на протяжении двадцати восьми лет нашей семейной жизни, за любовь, за общие цели и ценности. А еще — за терпение и помощь в работе над книгами, в развитии нашей некоммерческой организации и школ родителей «Азбука семьи». Спасибо всем нашим детям за то, что они есть, и за то, что меняют нас. Дают мощнейшие чувства и стимул к развитию. Спасибо моим дорогим родителям Наиле Тенишевой и Владимиру Машкову за счастливое детство и крепкую семью, которая до сих пор служит мне надежной опорой. И низкий поклон за саму жизнь — она оказалась гораздо увлекательнее и неожиданнее, чем я могла предположить.

От всей души благодарю Ольгу Аминову, основателя литературного агентства и школы «Флобериум», первого редактора книги «Меня зовут Гоша», за долгий, потрясающе интересный совместный путь. За веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Уверенность Ольги в том, что подобные книги увеличат число людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служила для нас путеводной звездой.

Особая признательность — приемным родителям подростков, которые становятся им родными и как никто другой осведомлены о проблемах сиротства. Некоторые семьи действительно обладают ценными знаниями и навыками, которые помогают воспитывать самых сложных детей. Усыновление и опека — непростая стезя, это большой труд и ответственность на всю жизнь. Люди, которые выбирают такой путь помощи детям, не ожидая благодарности и отдачи, заслуживают самого глубокого уважения. Они выполняют важную работу. Кстати, некоторых друзей Гоши, которые упоминаются в книге, приняли в свои семьи именно такие люди.

Мы благодарим всех, кто еще только задумывается о помощи подросткам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. И рекомендуем как следует подготовиться к этому непростому пути — в том числе с помощью книги-тренажера «Азбука счастливой семьи» и книги-тренажера «Азбука счастливой семьи для приемных родителей».

Спасибо всем, кто по долгу службы и по зову сердца помогает социальным сиротам восстанавливать связи с родными семьями или находить новые, приемные, семьи. И всем, кто готов услышать простую истину — подросткам тоже нужна семья.

— Гоша, так ты не знал, как зовут твою маму?

— Нет, откуда? Это же тайная информация, нам в дет-
доме не говорили.

— Гоша, это не тайная информация, а твоя собствен-
ная история. Сколько лет тебе было, когда ты узнал?

— Точно не помню. Я вроде еще в младшем школьном
корпусе жил, учился в четвертом классе.

— В девятом, когда мы познакомились, тебе было пят-
надцать. Значит, в четвертом — десять. Так?

— Да.

— И до этого тебе никто ничего не рассказывал?

— Нет. Я тебе еще раз говорю — это закрытая инфор-
мация.

— Почему? От тебя она не должна быть закрытой.

— Так у нас у всех было прописано ЗПР¹ и так далее.
Воспитатели в баторе² говорили, что типа если мы уз-
наем, это еще больше усложнит ситуацию...

¹ ЗПР — задержка психического развития. — *Здесь и далее прим.
ред.*

² Б а т о р — производное от «инкубатор», на сиротском жар-
гоне — «детдом».

ГЛАВА 1

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Я о себе знаю мало. Кем были мои родители? Как я родился? Без понятия. Знаю только, что меня произвели на свет и тут же выбросили, как ненужную вещь, — мать написала отказ в роддоме. Вот и хранятся у меня теперь вместо семейного архива с фотками и прочим всего три бумажки — свидетельство о смерти отца, мое свидетельство о рождении и свидетельство о моем крещении. В последнем, кстати, тоже ничего не написано: ни крестного отца там нет, ни крестной матери. Странно как-то. Я слышал, крестные как раз нужны, чтобы, если что, заменить мать и отца. А у меня ни тех ни других. Таинство крещения совершил иерей Виктор. Хоть это написано. Но его я тоже не помню. Кто он такой, что со мной делал?

Родился я 6 мая 1999 года. Крестили меня 8 сентября 2000-го. И до десяти лет я не знал, как звали мою мать. Никогда не слышал имени своего отца. Нам в детдоме говорили, что это секретная информация. Вроде как нельзя ситуацию осложнять. У нас же диагнозы у всех там прописали — ЗПР, еще что-то типа того. Поэтому мало ли. Откроют нам страшную тайну, а мы вдруг вразнос пойдем.

Но однажды, я тогда учился в четвертом классе, в наш детдом приехала комиссия. Воспитательницы вытащили из архивов наши портфолио, положили их на край стола. И мы такие: «О, что это за папки, что там про нас написано?» Они куда-то вышли, и мы давай все это читать. Так

я узнал имена-отчества своих матери и отца. Мою мать, оказывается, звали Верой Евгеньевной. А отца Василием Георгиевичем. Я тогда очень обрадовался — я же Георгий Васильевич. Как бы наоборот. Еще я увидел там свидетельство о смерти своего отца, но, честно говоря, не очень понял, что это значит. До этого момента никаких разговоров о семье не было. Я никогда не спрашивал, откуда взялся. Меня не интересовал вопрос, как дети появляются на свет. Только в тринадцать лет у нас пошли разговоры о родителях. Мы уже жили в старшем корпусе, я учился, кажется, в седьмом классе. И к нам на работу пришла Татьяна Владимировна, воспитательница из другого детского дома. И вот она на некоторые вещи мне открыла глаза.

— Вообще-то я не должна вам это рассказывать, — она перешла на шепот, — потому что информация закрытая.

— Да?

— Но я скажу то, что безопасно.

— Лан.

— Твой папа, Гоша, умер еще до твоего дня рождения.

— Как это?

— Ну вот так. Примерно за три месяца.

— Ниче себе. — Я замер, впервые от нее об этом узнав.

— А мама твоя еще жива.

В ответ я промолчал. Не хотел ни о чем расспрашивать — раз жива, значит, я ей не нужен. А то пришла бы уже, за тринадцать-то лет.

— Когда ты родился, ей было тридцать девять лет.

— Ааа, — я изобразил безразличие, — значит, сейчас уже старая.

— Почему? — Татьяна Владимировна возмутилась. — Всего-то пятьдесят два года.

— Ну лан, жива, и хорошо.

А больше я ни о чем не спрашивал. Может быть, она что-то еще рассказала, а я забыл. Но сам в подробности не вдавался. Не было у меня тогда интереса, кто там

остался жив, кто не остался жив. Меня воспитали другие люди, и все, спасибо. Хотя, если честно, я всегда много думал о матери. Поначалу были мысли: «Блин, поискать бы ее, посмотреть ей в глаза». Но это, наверное, больше потому, что хотелось понять, в кого я такой офигенный. Потому что мне все говорили, что я совершенно ни на кого не похож, не как все. Даже если брать нашу баторскую компашку, все равно и оттуда меня выделяли. И я хотел знать, откуда во мне такое. А еще было важно понять, как и почему умер отец. Думаю, это я в него такой прикольный. Потому что так всегда — хороших людей Бог забирает, а плохих оставляет. Мать, получается, плохая, если она меня бросила на произвол судьбы, а сама еще жива. Значит, она слабая, а я ненавижу слабых людей. Отец вот не виноват, он просто умер. Но если бы мать была сильная, она, даже несмотря на его смерть, сама стала бы меня воспитывать. Хотя я ей благодарен за то, что она меня родила. Жизнь дала. Да и за то, что оставила в роддоме, тоже спасибо. Еще неизвестно, как бы я жил. Реально слышал много страшных историй — это почти в каждой семье происходило у моих друзей, которые потом в детдом попадали, — про избиения, насилие, убийства. Отец, например, мать избивает, а маленький ребенок все это видит. Или убивали родители друг друга у детей на глазах. А они наблюдали. У меня были и друзья, и подруги, у которых в семьях это происходило. В основном мам у них били. Иногда их самих. Но это же полный треш! Когда тебя бьет твой любимый, родной человек. Ты его знаешь, он тебя растил, и тут такое. В детдоме, когда бьют, это все-таки совсем другое. Да, нас били старшаки, но это нормально. Бьет тебя совершенно чужой человек. Он тебе никто. Поэтому — ерунда. Просто как в школе, взял и подрался. Или на улице, взял и подрался. А в семье это совсем другое дело. Я бы не выдержал.

В общем, конечно, в глубине души я хотел узнать, что на самом деле было, почему меня бросили. Но не стал никого об этом спрашивать. Потому что ну на фига? Зачем мне чья-то тупая жалость? Я много таких историй видел, когда жалели других детей-сирот, и боялся, а вдруг и со мной то же самое произойдет? Все-таки жалость и я — это две несовместимые вещи. Жизнь научила меня смеяться, когда трудно, а не плакать. Меня ругали, я смеялся. Обижали, я смеялся. И когда били, смеялся тоже. Я не хотел, чтобы меня жалели. А еще, если бы я свою мать увидел, я бы, наверное, просто в себя ушел, и все. У меня встал бы вопрос: «На фига ты меня вообще броса- сала?» И я бы влез в это говно, остался бы там сидеть, разбираясь со всем этим. Оно мне надо? Пока жил в баторе, я не хотел погружаться в то, что было до меня, не хотел знать, почему все так произошло. Меня устраивало то, что есть. Больше мне ничего не надо. В детдоме я жил настоящим. Не прошлым и не будущим. И уже тогда, в тринадцать лет, решил для себя — если не знаю заранее ответа на вопросы, не должен их задавать. И не задавал.

Хотелось, конечно, увидеть хотя бы их фотографии. Как выглядел отец? Какой была моя мать? Но тогда мне захотелось бы узнать больше, могло появиться желание еще и встретиться. А зачем это все? Я уже знал, как отреагирую, и боялся сам себя. Боялся провалиться в бездну, возможно даже надолго. Я бы думал и думал, что там было и как. И вот мы бы с ней сидели, я бы смотрел в ее бессовестные глазки и задавал тупые вопросы:

- Почему ты меня бросила?
- Понимаешь, сынок, так получилось.
- У других так не получилось! Почему именно меня?!
- Папа умер. Я осталась одна.
- Не одна, у тебя были старшие сыновья!
- Они тогда были детьми, мне надо было всех вас кормить, растить. А папа...

— Я знаю! Он умер! Но почему ты оказалась такой слабой?!

И так бы мы с ней говорили до бесконечности. Ни о чем. Я всю жизнь был один, мне так было легче. А тут надо было бы надеть на себя громадный рюкзак из прошлого и под его тяжестью загнуться. Нет. Без рюкзака все-таки легче ходить.

Кстати, я никогда даже не видел ту самую бумагу, с которой все началось, — отказ матери от меня. Я думаю, там было написано: «Отказываюсь, потому что не могу содержать». Или еще что-то такое. Иначе как так вышло, что она смогла просто взять и выкинуть меня? Либо она все-таки была алкоголичкой, наркоманкой и так далее — то, что приписывают всем родителям детдомовских детей. Воспитатели всегда нам так говорили. Когда ругали нас, получалось примерно одинаково.

— Аааа, значит, мы вам надоели? — Софья Николаевна, моя нелюбимая воспитательница в младшем школьном корпусе, начинала распалтаться на ровном месте, стоило мне пробубнить: «Не имеете права, надоели уже!»

— А че такова?

— Говори так своей мамке, которая тебя бросила! Сейчас скитается по дворам, курит, пьет, колется. Наркоманка!

— Да откуда вы знаете? — Не скажу, что я как-то бурно реагировал. Если уж сам не знаю свою мать, откуда воспитатель может что-то о ней знать?

— Все они такие! Алкоголички и наркоманки. Иди, иди к своей мамке! Она тебе не надоест. Но если ты тут, значит, ты сам ей надоел!

И я такой про себя: «Пфффф. Поорала? Успокоилась? Молодца!»

Я никогда не злился и ответить ничего такого обидного не хотел. С самого детства был добренький. Даже